УДК 800.87(470.67 = 512.144)

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-2-84-89

Г.-Р.А.-К. Гусейнов

**Лексические и некоторые фонетические особенности
кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка
в ареальном и историко-этимологическом контексте**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367001, г. Махачкала, ул. М. Га-
джиева, 43а; garun48@mail.ru*

Рассматриваемый говор относится к числу наименее изученных в диалектной системе кумыкского языка. Ввиду того, что отдельные его стороны уже становились предметом анализа, цель данной статьи – продолжить и углубить (с системным привлечением данных других кумыкских говоров и ареально смежных тюркских языков) уже начатое изучение лексических особенностей данного говора не только в ареальном, но и в собственно историко-этимологическом аспекте с учетом его вокалических особенностей. В результате произведенного анализа лексических и некоторых фонетических особенностей рассматриваемого говора с привлечением исторических сведений и данных ареально близких ему тюркских языков были обоснованы дополнительные аргументы, которые свидетельствуют о том, что на западе кумыкский язык в рассматриваемую эпоху был распространен на большей территории. Их интерпретация в отношении к другим кумыкским говорам позволила уточнить время миграции носителей восточного (брагунского) говора терского диалекта в южную кумыкскую историческую область Кайтаг. Об этом свидетельствуют также установленные факты лексических и фонетических (вокалических) сходств данного говора с кайтагским и подгорным кумыкскими диалектами, которые поддерживаются в последнем отношении аналогичными сходствами с азербайджанским языком, ареально смежным названным диалектам.

Ключевые слова: *кумыкский, язык, кизлярский, брагунский, говор.*

Носители изолированного кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка исторически проживают в собственно кумыкских населенных пунктах Моздокского района Республики Северная Осетия – Алания, главным образом в селении Кизляр, расположенном на правом берегу реки Терек, а также в соседних селениях – Предгорном и Малом Малгобеке. Первым опытом систематизации соответствующих лексических сведений стала статья, посвященная выявлению специфической, неизвестной кумыкскому литературному языку лексики данного говора [2].

В результате последующей этимологической интерпретации части выявленной лексики были установлены более или менее древние лексические формы, сохранившиеся в данном говоре. Они относятся к праалтайскому (*гъакгоьв* ‘безумный’) и булгаро-хазарско-караимскому (*лапур болуп акъмакъ* ‘течь, литься потоком’, *къотан* ‘конюшня, стойло’) уровням, что указывает на изначально древнее пребывание в регионе носителей данного говора, а название паруса (*гемени ел кетени* ‘парус’) – на возможность их локализации и в приморском регионе. Были установлены лексические единицы, относящиеся как к западно-тюркскому (*кяхыт* ‘бумага’, *озек* ‘остров’, *гевек* ‘перхоть’ *судан янмакъ* ‘жажда’), так и к восточнотюркскому (*киш (къара)* ‘поздний’, *къачырмакъ (гъайван)* ‘совокупляться’, *сунгумек* ‘нырять’) ареалам. Выявлены лексические сходства

с ногойским языком, на уровне постановки вопроса – с другими кумыкскими говорами, а также русизмы, неизвестные кумыкскому литературному языку и другим говорам (см. [3]).

Кроме того, уже в этом году автором в аналогичных ареальном и историческом аспектах был проанализирован вокализм кизлярского говора того же кумыкского диалекта. При этом было установлено, что для него (см. об этом подробнее [3]), как и для терского диалекта в целом, характерны лабиализация [и, ы] и депалатализация передних губных *уь* и *оь*, первая из которых частично известна южным подгорному и кайтагскому кумыкским диалектам, вторая свойственна только им. Она поддерживается в них территориально близкими говорам карачаево-балкарского, ногойского и азербайджанского языков, а также имела место в истории ареально отдаленных и более северных чувашского и караимского языков, мишарского диалекта татарского языка и касимовского говора, носители которого также являются мишарями (см. [4, с. 43–45]).

Поэтому цель данной статьи – продолжить и углубить (с системным привлечением данных других кумыкских говоров) уже предпринятое изучение лексических особенностей данного говора не только в ареальном, но и в собственно историко-этимологическом аспекте и сравнить полученные результаты с его вокалическими особенностями. К числу ее задач относится также постановка вопроса об истории формирования данного говора с привлечением лексических фактов второго говора терского диалекта – брагунского, носители которого проживают в Чеченской Республике по реке Терек, а также других кумыкских говоров, их связей с ареально смежными карачаево-балкарскими ногойским языками. Другая задача – уточнить прежние западные ареальные пределы распространения данного говора, а также время миграции носителей восточного (брагунского) говора терского диалекта в южную кумыкскую историческую область Кайтаг.

При этом к 1502 г., моменту гибели Большой Орды, Кумыкское государство («Кумук хакиmiet»), известное с XVI в. как «Вилайет Дагестан» с титулом его правителя *шаухал/шамхал*, занимало территорию от реки Баксан в нынешней Балкарии (последняя еще во второй половине XVI в. платила подать шамхалу Будаю I, сыну Умал-Мухаммада, погибшему в 1567 году при попытке не допустить строительства русской крепости в устье р. Сунжи [14, с. 42]) до Дербента. В его состав входило и Брагунское ханство [6].

Рассматриваемый говор вместе с будущим брагунским входил в последнюю область, находившуюся к моменту вторжения Тимура между Пятигорьем (*Беш-Тау*) и средним течением Терека, и, в отличие от других кумыкских диалектов и говоров, сохранил некоторые неизвестные им черты лексической близости к восточнотюркским языкам, прежде всего к восточнокыпчакским. К ним наряду с уже установленным монголизмом *орамакъ* ‘обертывать’ (при кум. лит. *чырмамакъ*), известным и ногойскому языку (см. [3]), относятся:

сунгумек ‘нырять’, что при отсутствии данной формы в куманских языках характерно для кыпчакских языков восточного ареала, включая ногойский (*суьнгумь*), и поддерживается уйгурским, для которых не исключается монгольский источник, при общекем.-тюрк. *суьнгумь* ‘нырять’ (см. [15, с. 382] – общекум., в т. ч. лит., *чомулмакъ*, азерб. *чуммаг* (см. [9, с. 480]) пратюркского характера (см. [15, с. 382]);

уйагълю къатын-ы (досл. ‘дома, семьи жена’), ср. кум.-браг. *къатын-ы* – общекум., в т. ч. лит., *къатын*, диал. *къатун* ‘жена’, азерб.-терк., ног. лит. *хатун* (см. [9, с. 78]), известные другим тюркским языкам (< согд. *хwt’у-п* ‘его жена’ < *хwt’у* ‘правитель, господин’), наряду со сложениями других восточнотюркских языков, в основе которых лежит пратюрк. **eb* ‘дом’ (букв. ‘домашний’, ‘домашний человек’), ср.: тоф. *e’psi*

kiši-, алт. *oj kiši*; куу *ereī*; куманд. *ug eezi*, также указывающие на сравнительную древность соответствующего композита [5, с. 528];

отун агъач, первая часть которого в изолированном употреблении имеет то же значение во всех остальных тюркских языках, исключая кумыкский и включая ногайский (см. [13, с. 421–422]), но вторая – общекум. (см. [9, с. 69]), в т. ч. лит., *агъач* в значении ‘дрова’ – характерна лишь для сагайского диалекта хакасского языка кыргызской группы и средневеково-кыпчакского (М. Кашгари) языка (см. [13, с. 72]) и, возможно, также указывает на более древние ареальные связи с восточнотюркскими языками.

В условиях известной фонетической и морфологической близости монографически описанного брагунского говора терского кумыкского диалекта к ареально смежному карачаево-балкарскому языку (см. [10, с. 33–34, 91; 11, с. 108–109, 110]) обращают на себя внимание его лексические совпадения с рассматриваемым кизлярским говором и с карачаево-балкарским языком. Тем самым, с учетом большей, чем с другими кумыкскими диалектами, территориальной смежности, речь может идти о соответствующей близости специфической лексики обоих говоров к названному языку, подобно некоторым его вышеупомянутым вокалическим особенностям; ср.: *арив этив*, кум.-браг. *арив этив* – общекум., в т. ч. лит., *безендири* ‘украшение, орнамент’ (см. [9, с. 344]), к.-балк. *ариу этиу* ‘украшение’; *саби* – кум.-браг. *сабий*, *нарыста* – кум. лит. *нарыста* ‘младенец’ (см. [9, с. 76]), кум. диал. *сабий* ‘дитя, младенец, малютка’, к.-балк. *къююндагъы* (*эмчекдеги*, *бешикдеги*, *къагъадакъ*) *сабий* – то же; *сакъалтип*, кум. браг. *сакъалтюп* – кум. диал. *сакъал*, лит. *сакъалсюек* ‘подбородок’ (см. [9, с. 190]), к.-балк. *сакъалтюп* – то же; *кок урмакъ*, кум.-браг. *кёк урув* – кум., в т. ч. лит., кум.-дорг., кум.-карб. *яшмын* ‘удар молнии’ (см. [9, с. 51, 194]), к.-балк. *кёк уруу* – то же; *иш гъакъ*, кум.-браг. *иш гъакъ* – кум. лит. *алапа* ‘заработная плата’ (см. [9, с. 545]), к.-балк. *иш хакъ* – то же.

Все это поддерживается другими более многочисленными фактами взаимной лексической близости кизлярского и брагунского говоров: *акъган сувгъа батып оьлген*, кум.-браг. *акъган сувгъа батып оьлген* ‘утонувший, утопленник’ – кум. лит. *батылгъан*, *батып оьлген* и другие формы говоров (см. [9, с. 247]); *йимчакълар*, кум.-браг. *йимчакълар* – кум. лит. *минчакълар* ‘ожерелье, бусы’, азерб. *мунджуг*, ног. *мойыншак* (см. [9, с. 347]), к.-балк. *мынчакъла* то же; *чунгъур*, кум.-браг. *чунгъур* – общекум., в т. ч. лит., *татавул*, *ор* ‘канава, ров’ (см. [9, с. 385]), но лит. *чунгъур* «яма, впадина, ров, воронка», к.-балк. *илипин*, *индек* – то же; *хырдымик* – кум. браг. *хырдан «зоб»* (см. [9, с. 255]), общекум., в т. ч. лит., *тамакъ безлер*, но *хырдан* ‘горло, глотка’; *къулакъны йимшагъы*, *учу* – кум. браг. *къулакъ тюп учу* – общекум., в т. ч. лит., *къулакъ тюбю* ‘мочка уха’, ног. лит. *кулак туьби* (см. [9, с. 194]); *эр*, *уй агълюсю* ‘дома семьи’ – кум.-браг. *эркек*, *эр-и* (с аффиксами принадлежности *-сю*, *-и*), общекум., в т. ч. лит., ног. лит., азерб. *эр*, азерб.-терк. *киши* ‘муж’ (см. [9, с. 77]) при пратюрк. *er* ‘мужчина’, ‘герой’, *kiši* ‘человек, мужчина’ [12, с. 561, 661, 325].

Показательно и то, что, несмотря на чрезвычайную ареальную отдаленность, рассматриваемый говор обнаруживает лексическую близость и к говорам южных кумыкских подгорного и кайтагского диалектов, подобно уже отмеченным (см. выше) его вокалическим особенностям. Названное явление наблюдается в условиях, когда лексико-фонетические факты связей с ареально смежным хасавюртовским диалектом носят в анализируемом списке соответствий единичный характер (ср.: *сохта* ‘колбаса’ – кум. х.-юрт. *сохта*, но кум. лит. *сокъта* ‘колбаса, начиненная печеночным фаршем’ общекыпчакского характера (см. [15, с. 295]), ср.: общекум., в т. ч. лит., *ичек*, *ёрме*, ног. лит. *йоьрме* ‘колбаса, сосиска’ (см. [9, с. 304]), и соответствующие формы оказываются

представленными в тюменлерском и отчасти маджалисском говорах кайтагского диалекта.

Вместе с тем в анализируемом говоре, как показал произведенный историко-этимологический анализ рассмотренного ограниченного списка слов, относящихся к наиболее стабильной части его лексики, есть специфическое название летучей мыши *сокъур чычгъан* – досл. «слепая мышь». Оно неизвестно другим тюркским языкам, а в кумыкских диалектах представлены кум. х.-юрт. *яркъанат* ‘летучая мышь’ (ср. кум.-карб. *ер къанат*) обще- и межтюркского характера, болгарские по происхождению кум.-браг., кум.-мадж. *варкъанат*, а также кум. лит., кум.-мадж. *гечекъуш* – досл. «ночная птица» при кум.-дорг. *учагъан чичгъан*, кум.-тюмл. *учагъан чичкъан* – досл. «летучая мышь» (см. [9, с. 44]). Аналогичная рассматриваемой модель образования данного названия есть лишь в кабардинском языке и может быть обязана своим происхождением кумыкскому (терскому) слову, так как в других абхазо-адыгских языках она имеет иной характер: абх. – букв. «вечер» + «птица», убых., адыг. – букв. «ночь» + «птица» (см. [8, с. 234]), кум. лит., кум.-мадж. *гечекъуш* – досл. «ночная птица», что не исключает и типологического сходства.

К этому же региону примыкают наряду с вышеупомянутыми вокалическими отмеченные в предшествующем изложении лексические сходства терского диалекта с карачаево-балкарским языком, которые могут интерпретироваться как лексические совпадения с ним брагунских и кизлярских форм: *арив этив* / кум.-браг. *арив этив* – к.-балк. *ариу этиу* «украшение»; *саби* / кум.-браг. *сабий* «младенец» – к.-балк. *сабий* – то же; *сакъалтип* / кум.-браг. *сакъалтип* «подбородок» – к.-балк. *сакъалтип* – то же; *кок урмакъ* / кум.-браг. *кёк урув* «удар молнии» – к.-балк. *кёк уруу* – то же; *иш гъакъ*, кум.-браг. *иш гъакъ* «заработная плата» – к.-балк. *иш хакъ* – то же), что подтверждается уже отмеченными более многочисленными фактами (см. выше) взаимной лексической близости кизлярского и брагунского говоров.

При этом история некоторых из них, например, названия частей тела (см. выше «подбородок») в кумыкских диалектах уже становилась предметом изучения [1]. Кроме того, в соответствии с другими задачами данного исследования было установлено, что рассматриваемый говор сохранил некоторые неизвестные другим кумыкским говорам и литературному языку черты, в т. ч., возможно, архаические, лексической близости к восточнотюркским языкам, включая прежде всего восточнокыпчакские, а также в отдельных случаях ногайский: *орамакъ* ‘обертывать’, *сунгумек* ‘нырять’, *уйагълю къатыны* ‘жена’, *отун агъач* ‘дрова’.

Это влияние подтверждается заимствованиями из ногайского языка, ср.: *чархы авур* ‘беременная’, *каъртон чыракъ* ‘свеча’, *къарагъай* ‘ель, пихта’, *къазгъыр* ‘лопата’, *акъ къалай* ‘жесть (белая)’ (см. [3]). Возникновение этих сходств относится, надо полагать, к той же позднесредневековой, точнее, постзолотоордынской эпохе, когда в регионе появились носители указанного языка.

Из вышеизложенного представляется возможным заключить, что соответствующие лексические сходства (см. ниже), особенно с тюменским говором, могли быть обусловлены тем, что часть жителей известного с XV в. пограничного кумыкского Тюменского крым-шамхальства, крайние восточные пределы которого достигали устья р. Терек, после его включения в состав Русского государства в 1594 г. ушла в Засулакскую Кумыкию, а также далее на юг в кумыкское с. Башлы [7]. Оно расположено в Кайтаге (см. выше) рядом с сел. Тюменлер, основанным, судя по его названию, именно тюменскими переселенцами. Ср.: *отаха*, кум.-дорг., карб., мадж., тюмл. *тавхана*, кум. лит. *отбаш* ‘камин’ (см. [9, с. 366]); *кетен къумач*, кум.-тюмл. *кетен къумач* – кум. лит.

кендир кѳумач ‘ткань (льняная)’ (см. [9, с. 323]); *бийик кѳурукъ*, кум.-тюрм. *кѳурух* – кум. лит. *мачта* ‘мачта’ (см. [9, с. 519]); *ор кѳарап бармакъ*, кум.-мадж. *орге бармак* – общекум., в т. ч. лит., *оьрленмек* ‘подниматься, идти вверх’ (см. [9, с. 492]).

Все это говорит о том, что в период позднего Средневековья, по крайней мере, на притеречном пространстве Северо-Восточного Кавказа были представлены, по всей вероятности, близкородственные говоры. Показательно наличие среди рассмотренных названий: наименования мачты, что может быть связано с прошлой ареальной близостью к Каспию, использовавшейся для парусов льняной ткани, а также названия камина как архаичного средства отопления и сходную передачу понятия ‘подниматься вверх’, характерного для горного ландшафта. Не исключено, что могли иметь место и более древние генетические связи северных (в лице терского) и южных (подгорного и кайтагского) диалектов, рассмотрение которых не входит в число задач данной работы, но может стать целью их дальнейшего изучения.

Литература

1. Гаджиахмедов Т.И. Названия частей тела человека в диалектной системе кумыкского языка // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. – Махачкала, 2017. Т. 32, вып. 4. – С. 34–39.
2. Гусейнов Г.-Р.А.-К., Магомедова А.Ш., Хажалиева И.З., Шамурзаева Р.Г. Лексика кизлярского говора терского диалекта, неизвестная кумыкскому литературному языку // Записки молодого лингвиста. – Махачкала, 2015. – С. 134–139.
3. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Лексические особенности кизлярского говора терского диалекта кумыкского языка в ареальном освещении // Материалы XVII Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». – Уфа, 2017. – С. 81–84.
4. Гусейнов Г.-Р.А.-К. Вокализм кизлярского говора терского кумыкского диалекта в ареальном и историческом аспектах // Материалы XVIII Всероссийской научной конференции (с международным участием) «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». – Уфа, 2018. – С. 43–46.
5. Дыбо А.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный). – Астана: ТОО «Prosper Print», 2013. – 616 с.
6. Идрисов Ю.М., Абдусаламов М.-П.Б. Северо-Восточный Кавказ, его география, население и феодальная элита в описаниях Эвлии Челеби и Адама Олеария: различия и сходства // Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки. – № 4. – М., 2013. – С. 63–68.
7. Идрисов Ю. Тюменское владение между Волгой и Кавказом: возникновение и гибель государства // Средневековые тюрко-татарские государства. – Казань, 2014. – Вып. 6. – С. 80–84.
8. Климов Г.А., Халилов М.Ш. Словарь кавказских языков. – М.: Восточная литература, 2003. – 511 с.
9. Комри Б., Халилов М. Словарь языков и диалектов народов Северного Кавказа. – Лейпциг–Махачкала, 2010. – 898 с.
10. Ольмесов Н.Х. Брагунский говор и его место в системе диалектов кумыкского языка. – Махачкала: Изд-во ДГУ, 1994. – 142 с.
11. Ольмесов Н.Х. Сравнительно-историческое изучение диалектной системы кумыкского языка. Фонетика. Морфонология. – Махачкала, 1997. – 327 с.
12. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М.: Наука, 2001. – 822 с. (СИГТЯ)

13. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 1974. – 767 с.
14. Чомаев А.Б. К вопросу датировки исторических событий, получивших отражение в карачаево-балкарском фольклоре // Известия Карачаевского научно-исследовательского института. Вып. 11. – Черкесск: ИКО «Аланский Эрмитаж», 2015. – С. 39–43.
15. Этимологический словарь тюркских языков. – М.: Наука, 2003. – 446 с.

Поступила в редакцию 23 мая 2018 г.

UDC 800.87(470.67 = 512.144)

DOI: 10.21779/2542-0313-2018-33-2-84-89

Lexical and some phonetic features of the Kizlyar dialect of a Terek rivers dialect of the Kumyk language in an areal and historical and etymological context

G.-R. A.-K. Guseinov

Dagestan State University; Russia, 367001, Makhachkala, Gadzhiyev st., 43a; garun48@mail.ru

The considered dialect is among the least studied in the dialect system of the Kumyk language. As separate aspects of the dialect have already been analysed the purpose of this article is to continue and deepen (with systemic attraction of the other Kumyk dialects and adjacent Turkic languages) the existing study of lexical features of this dialect not only in areal, but also in actually historical and etymological aspects taking into account vocalic features. As a result of the analysis of lexical and some phonetic features of the dialect with attraction of historical data and the data of adjacent Turkic languages the author of the article has proved additional arguments testifying to more extensive western areal limits of distribution of the Kumyk language during the considered era. Their application to other Kumyk dialects has allowed to specify time of migration of carriers of Eastern (Bragunsky) dialect of the Tersky dialect to the southern Kumyk historic area Kaytag. Also facts of lexical and phonetic (vocalic) similarities of this dialect to the Kaitag and piedmont Kumyk dialects were established which are supported by the same similarities with Azerbaijan language adjacent to the named dialects.

Keywords: Kumyk, language, Kizlyar, Bragunian, dialect.

Received 30 May, 2018